

Галина Вишневская:

Я могла бы стать кремлевской царицей

Узбекистан - 1996 -
23 окт. -
с. 8

— Галина Павловна, вы человек предельно прямой и открытый, не делаете секрета из того, что 25 октября вам исполняется 70 лет. Какое у вас настроение?

— Никакое, как всегда. Я, слава тебе Господи, не чувствую, что такое возраст, и никогда не думаю, сколько мне лет. Я такая же, как была 20 лет назад. Живу, активно действую, тружусь. Надеюсь, что и дальше так будет. Ну а юбилей должен быть один раз в жизни. У меня уже он был — в Большом театре. Его я с благодарностью запомню на всю жизнь. На этом хватит. Поэтому я и отказалась от всех предложений устроить еще один.

В Петербурге 25 октября мой личный праздник, мой день. Я поздравлю на него своих друзей, приятных мне людей из Москвы, Парижа, Петербурга. 26-го встречаюсь с моряками в Кронштадте. Мне присвоили звание почетного гражданина этого города. Хотя я родилась в Ленинграде, но в Кронштадте прожила детство и всю блокаду. Для меня это такая большая честь, что словами не выразишь. За всю историю Кронштадта почетных граждан у него всего 12. И последний, получивший это звание уже посмертно, — легендарный подводник Маринеско. Я познакомилась с ним девочкой, когда бегала в офицерский клуб на танцы.

— А Москва участвует в празднике?

— В Москве хотят в мою честь дать «Тоску».

— «Тоску» для Гальки-артистки — как вы раньше себя называли...

— Не я, а так дразнили меня в школе, потому что я целый день пела.

— Что же дальше? Чем вы займетесь после юбилея?

— Тем же самым, что и до. Самое значительное для меня — строительство школы оперного пения Галины Вишневской в Москве на Остоженке, которая должна быть готова где-то через год. Аналогов ей нет в мире. Это будет школа для молодых артистов, чтобы они после Консерватории не приходили сразу в театр, как птенцы, имея в запасе лишь несколько арий и романсов, а потом бы сидели годами и ничего не делали, теряли голоса.

— Вы, я слышал, в педагогическом порыве можете крепко схватить нерадивую ученицу за горло, чтобы наглядно показать ей, как надо петь. Ей, наверное, бывает от этого больно и страшно?

— (Смеется). Схватить могу, чтобы она горло не зажимала, но от этого она начинает зажимать еще больше. Мне так хочется помочь певичке на сцене! Поэтому, начиная мастер-класс, я всегда предупреждаю: «Дорогие мои! Никто чтобы не ревел и не пугался. Если я и кричу, то чтобы вы меня лучше слышали и понимали, а всех вас очень люблю и хочу помочь». И они понимают.

— Если не ошибаюсь, самыми счастливыми в вашей жизни стали годы, проведенные в Большом театре, который был вам «мужем, сыном, любовником и братом»?

— Так оно и есть. Я пела там 22 года. Я пришла в Большую в такое время, когда там выступала плеяда русских великопеленных певцов — Пирогов, Рейзен, Лемешев, Козловский, Михайлов... Да кого там только не было! Конечно, это мой дом, моя семья.

— Удалась ли посвященная вам композитором Марселем Ландовским опера «Галина», премьера которой в марте прошла в Лионе?

— Удалась, и думаю, что у нее большое будущее. Ведь это опера не только обо мне, но и о России, и о русском народе. Ни один русский композитор не написал оперы о нашем времени — о терроре, о войне, о послевоенной эпохе. В свое время эту тему нельзя было поднимать, а сейчас можно.

мать, а сейчас не до того. Во всяком случае, француз наших опередил.

— В расцвет карьеры вас отлучили от России. Сегодня вы вспоминаете об этом с горечью или, наоборот, не было бы счастья, да несчастье помогло?

— Я бы так не сказала. Мы не эмигрировали — нас лишили гражданства. Нас выгнали без копейки денег — все, что мы имели, нажили за 30 лет работы, осталось там. Так что здесь было не до сантиментов, а надо было выживать, вкалывать, начинать с нуля. Я не пою только последние лет шесть, а Слава до сих пор работает, мечется с концертами по миру — содержит семью.

— Около двух десятилетий вы прожили на Западе. Что значили для вас эти годы?

— Они освободили мою душу, развязали весь узел проблем, что связывает русского человека до сих пор. Наши люди, которые выросли в советское время, до сих пор не понимают, что такое свобода. Часто в России считают, что свобода — это когда можно все. Но это ответственность перед самим собой, перед людьми и возможность выбора.

— Вы, кажется, ни к кому не относились с такой нежностью, как к Шостаковичу. Потому что он гений?

— Да, пожалуй. Потому что я его знала больше, чем других, — 20 лет. Наши дачи и квартиры были рядом, мы несколько раз встречали вместе Новый год. Шостакович посвятил мне несколько сочинений и имел огромное влияние на меня. Я своей кожей чувствовала его жизнь. Он был, как обнаженный нерв, который на все реагирует моментально.

— Ростропович, с которым вы прожили более 40 лет, для вас прежде всего муж, отец детей или выдающийся виолончелист?

— Конечно, муж и никто другой. Муж и отец детей. Мы с ним познакомились, не зная друг о друге ничего. До этого он никогда меня не слышал на сцене, а я — его. Я и фамилии-то Славина не знала до знакомства. Через 4 дня после нашей первой встречи я вышла за него замуж.

— Он сыграл какую-то роль в вашей карьере певички?

— В карьере, конечно, нет. Да я в этом и не нуждалась. Но он, как и Шостакович и Бриттен, повлиял на мое музыкальное развитие.

— К тому же благодаря Ростроповичу вы, кажется, и характером стали мягче?

— Помягче, когда вышла за него замуж. А до него я была очень жестким, закрытым человеком. Росла сиротой при живых родителях и должна была пробиваться в жизни, отстаивать сама себя и доказывать всеми миру, что имею право на существование. Мне не на кого было надеяться. При Славе же я больше размагнитилась.

— Но судьба ваша могла бы сложиться иначе. У вас был великий соблазн принять ухаживания советского монарха — Булганина и сестра «на престол царей московских».

— Да, могла бы быть «царицей Кремля», потом свергнутой. Искусение, безусловно, было. Ухаживал Булганин агрессивно и активно и был готов на все... И, кто знает, что бы случилось, если бы не моя поездка в Прагу, где мы познакомились со Славой...

— Говорят, вы хоть и человек простой, компанейский, но любите напустить туману видимой недоступностью, внешним шиком, нанести удар окружающим эффектной позой...

— Это говорил обо мне Борис Александрович Покровский — в том смысле, что я не всегда раскрываюсь. Возможно, он и прав. Я могу отсечь, отпугнуть от себя.

— Давайте вернемся к проблемам лирического искусства. Новое здание парижской Оперы, открытый в 1989 году, удалось

Фото Виктора АХЛОМОВА.

дать в прямом смысле слова трещину. Не символично ли это, учитывая, что сама опера как искусство повсюду переживает кризис?

— Это здание — какой-то жуткий могильник, из которого хочется поскорее уйти и никогда больше не возвращаться. Ну а трещина в опере, безусловно, есть. Однако до конца опера как искусство не развалится. Особенно сильная трещина в России, потому что вызвана экономическими трудностями. Век певца короткий, и если он не работает сейчас на свою жизнь, то, когда у него кончится голос, ждать помощи ему неоткуда. Поэтому все бегут в разные стороны, и их осуждать за это нельзя. Чтобы Большой театр стал таким, каким был в мое время, надо или закрыть границы и, поставив мышеловки, никого не выпускать, или давать деньги — хотя бы приблизительно те, что получают на Западе.

— Остались ли в России выдающиеся голоса и таланты? Или они переместились на Запад?

— В России голосов, как нигде в мире, много, и, как нигде в мире, искусство в России находится на низком, непрофессиональном оперном уровне. Потому что отсутствует культура, сказываются условия жизни. Пение и вообще искусство — это состояние души. А у нас всю жизнь коммуналки с авоськами, с воблой и с бутылкой пива в кармане. Потом еще парткомы, доносы, с помощью которых делали карьеру. Надо было схватить, выжить, обмануть, украсть.

— Не утомительно ли вам дружить с сильными мира сего? Президент Жак Ширак уже много лет один из ближайших друзей вашей семьи. И не только он...

— Мы не встречаемся с ним каждый день. Он очень милый человек. Я же всегда его стесняюсь и теряюсь — он с такой открытостью небрасывается на людей — на нас, во всяком случае. До сих пор не могу привыкнуть, что президенты, короли — такие простые люди. Я всегда при них замыкаюсь. Посидели, пообедали — хочу уйти домой. А они ищут общения, которого им не хватает, и когда оказываются в неофициальной обстановке, в которой мы встречаемся, то очень рады этому. Хотят поговорить о самых обыкновенных вещах. Как, например, испанские королева София и король Хуан Карлос или члены британской королевской семьи, которые бывали у нас в гостях.

— Ваши зятья — граждане иностранных государств. Не потеряны ли любимые внуки для Отечества? Они вырастут, получат образование на Западе...

— Вот для этого у нас в Москве сохраняется квартира, а в Петербурге для внуков мы строим дом. Сегодня перевозить туда их нельзя, вы знаете, какое у нас в России положение. Неизвестно, что будет завтра. Одно дело рисковать домом, другое — детьми. Но мы надеемся...

— На что?

— Что Россия опомнится. Сейчас дома страшная ситуация, непредсказуемая, но народ у нас все видит, все соображает. Он может злиться, кидаться из одной стороны в другую, но когда приходит время, он все может очень хорошо просчитать... Имея опыт того, что с ними творили, как их обманывали, люди наши разберутся, что им делать. На это надежда.

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Известия».

ПАРИЖ.